

ПИОНЕР

19

ОГИЗ Молодая гвардия 1931

КУЛЬТУРНЫЕ ДИКАРИ

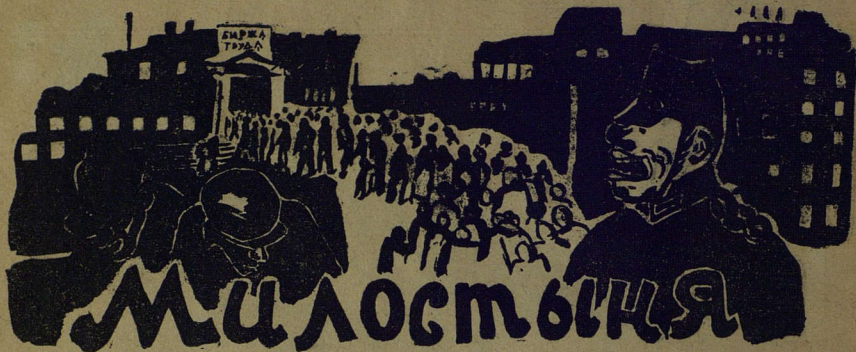

РИС. ХУДОЖКОРА Л. САВАНОВА

Франц Штук когда-то был кузнецом. Теперь безработный, он стоит в очереди во дворе берлинской биржи труда. Он стоит здесь четыре часа, пять часов. Наконец он подходит к окошку.

— Нет, вам не полагается больше пособия. Больше девяти месяцев пособие по безработице не выдается.

У Франца Штука по лицу течет пот.

— Так что же мне теперь делать? Умереть?

Воле окошка стоит полицейский с резиновой палкой в руках. На боку у него болтается маузер. Он усмехается.

— Идите просить милостыню, — говорит полицейский.

— Просить милостыню? — переспрашивает Франц Штук. — Вот эту руку протянуть за подачкой? — Он рассматривает свою руку — твердую и широкую, как доска. — Вот эту руку... — говорит он. — А ну, повтори, шуно, что ты сказал.

Полицейский отступает на шаг. Он сжимает свою палку в руках.

— Вы не уходите? — прищурившись, говорит он. — Раз... Два...

— Три! — рявкнул вдруг Франц Штук, — и шущман присел от удара: тяжелый кулак загнал его голову в каску по самые глаза.

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ

О ПРОМФИНПЛАНЕ ЛИГИ НАЦИЙ — А. ЛЕБЕДЕНКО,

2—3

ДЬЯВОЛЫ — Л. ОСТРОВЕР, 4—5

ИМ НАПЛЕВАТЬ — Л. ВОРОНКОВА, 6—7

ИСТОРИЯ С ПРОТИВОГАЗАМИ — Я ТАЙЦ, 8—9

ПЕРВЫЙ ТРАКТОР — М. ФЕДЮШКИН, 10—11

„ЧУДО“ НА РАЗЪЕЗДЕ — С. ГУРОВ, 12—13

МАЛЕНЬКИЕ РАБЫ КАПИТАЛА, 16—17

„ДЕНЬ ВОЗНЕСЕНИЯ БЛАГОДАРНОСТИ“ — Э. ХАМ-МЕРС, 18—20

ХУДОЖНИКИ: Б. ВИНОКУРОВ, А. ЩЕРБАКОВ

Г. БЕРЕНДГОФ, ЩЕГЛОВ И ДР.

ОБЛОЖКА ХУД. А. ЩЕРБАКОВА

ПИОНЕР

Ответственный редактор **И. РАЗИН**

Адрес редакции: Москва, Центр, Новая площадь, 6/8. Прием авторов от 1 ч. до 4 ч. ежедневно, кроме выходных: 2, 7, 12, 17, 22, 27

БОЕВОЙ И СТАРЕЙШИЙ ОБЩЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ ПИОНЕРОВ И ШКОЛЬНИКОВ

(Восьмой год издания)

Орган ЦБ детской коммунистической организации имени В. И. Ленина при ЦК ВЛКСМ, МБ юных пионеров при МК ВЛКСМ и Наркомпроса

КАЛЕНДАРЬ ПЯТИЛЕТКИ

НОВАЯ ФАБРИКА

Закончена строительством и включилась в социалистическую промышленность намеченная по пятилетке обогатительная фабрика в Зыряновске (Казакстан). Эта фабрика оборудована по последнему слову техники, уже в текущем году даст 45 тыс. тонн переработанной руды, добываемой на свинцово-цинковой руднике в Зыряновске.

БАКАЛЬСКИЙ МЕТАЛЛОГИГАНТ

Бакальский металлургический завод будет выпускать 2 млн. 700 тыс. тонн чугуна. Специальная экспедиция из Ленинграда выбрала место для постройки этого гиганта. Металлогигант будет строиться в 5 км. от Челябинска.

НОВАЯ ЭЛЕКТРОСТАНЦИЯ

В Армении, в Мегри, приступили к постройке новой гидроэлектростанции мощностью в 1 350 лошадиных сил. Электростанция будет открыта в октябре 1932 г.

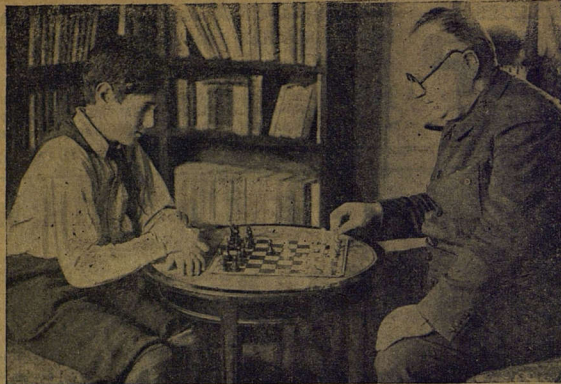
2 300 КОМБАЙНОВ

Комбайн — универсальная машина для уборки хлеба. В комбайне сочетаются жнейка и молотилка. Для работы с комбайном требуется меньше людей, чем это нужно было бы, если бы работа проводилась не комбайном. Стоимость уборки в 2-3 раза дешевле, зерна теряется в 2-3 раза меньше, чем при уборке сноповалками. Хлеб на целый месяц поступает раньше на рынок, так как сокращается время для уборки и обмола. Комбайны вырабатываются в СССР всего второй год на запорожском заводе „Коммунар“.

„Коммунар“ выпустил всего 240 комбайнов, а в мае — 252 комбайна.

К уборочной кампании „Коммунар“ выпускает 2 300 комбайнов.

О ПРОМ ФИН ПЛАНЕ ЛИГИ НАЦИЙ

К ВЫСТУПЛЕНИЮ ТОВА.
ЛИТВИНОВА В ЖЕНЕВЕ

А. ЛЕБЕДЕНКО

3 мая 1931 г. в Женеве заседала европейская комиссия Лиги наций.

В Европе, как и во всем мире, идет все обостряющаяся экономическая война между различными государствами. Женевские „миротворцы“ делают вид, будто они против этой войны тарифов. Они говорят о пан-европейском союзе народов.

Капиталистические министры не хотели приглашать СССР на заседание комиссии. Но без Советского союза нельзя сейчас делать ни европейскую, ни мировую политику. В конце концов СССР был приглашен в Женеву. В качестве представителя Советского союза поехал тов. Литвинов. Очерк показывает, что из этого вышло.

Если у нас, в стране строящегося социализма, какое-нибудь учреждение, какой-нибудь завод не выполнит промфинплана, его запишут на черную доску, отпечатают в „Известиях“ и выставят на площади Дзержинского, у Никольских ворот, а директора снимут и заставят работать на менее ответственном месте.

В странах загнивающего капитализма дело обстоит иначе.

Взять например промфинплан Лиги наций. Даже на юбилее нечем похвастаться. Ни одного выполненного задания, ни одного успеха, ни одной предотвращенной войны, ни одного разрешенного Лигой конфликта, разрешенного по-настоящему, до конца. Поляки захватили силой Вильно. Французы бесчинствуют в Марокко и Сирии. В Палестине арабы режут евреев, евреи дерутся с арабами. Итальянцы готовы броситься на французів, французы — на немцев. Поляки угнетают белоруссов и украинцев, испанцы — басков и каталонцев, сербы — хорватов. Жалобы дождем летят в секретариат Лиги наций, но Лига наций еще не помогла ни одному обиженному просителю.

У деятелей Лиги наций есть только одно оправдание:

— Международные дела — это дела исключительной сложности. Такие дела разрешать очень трудно!

Пленумы Лиги наций, Совет Лиги наций, комиссии, подкомиссии, под-под-подкомиссии заседают без конца. Сколько рабочих часов потеряно зря, но „сложность дел“ губит все.

В Лиге наций есть хозяева. Их немного, их знает весь мир, они на счету. Есть лакеи во фраках и смокингах. Этих больше. Лакеи во фраках подают и обслуживают. Отличаются белыми перчатками и салфеткой подмышкой. Другие — тоже лакеи, но в черных или цветных перчатках, в цилиндрах и без салфеток. Они не подают и

не обслуживают — они голосуют. Как нужно голосовать, за кого голосовать и когда голосовать — они узнают в кулуарах. Где находятся кулуары, по совети говоря, никто не знает. Написи такой ни в одном помещении нет. Где соберутся два или три дипломата или просто осведомленные люди, — там и кулуары.

Лакеи, которые голосуют, в чинах. Это генералы, министры, дипломаты, послы и даже премьеры. Скажите такому премьеру, что он лакей, он обидится. Он скажет: „Что вы, я — премьер“.

Но это дела не меняет. Когда он голосует по приказу, полученному в кулуарах, он лакей.

Когда в такую компанию приходит человек с ясной головой, не лакей и не хозяин, ему становится не по себе. Но когда такой человек говорит простым человеческим языком, то становится не по себе всей женевской компании. Но такие люди бывают в Женеве не часто. Это случается только тогда, когда в Женеву приглашают тов. Литвинова или Луначарского, людей Советской страны.

Лига наций из года в год толкует о разоружении. Толкует настолько успешно, что весь мир успел за это время перевооружиться на началах новой, гораздо более совершенной техники.

А когда приехал Литвинов и сказал: „Давайте разоружаться все сразу, одновременно, по-настоящему!“ — поднялся вой. Да разве это возможно? Выли дипломаты, выли газеты всех языков и мастей. Но вой воем, а смущение в Женеве было немалое.

Теперь Лига наций занялась оздоровлением экономики Европы, потрясенной кризисом.

Женевцы кричали:

— Винават советский демпинг. Продают так дешево, что сбивают на ценy. Продают дешевле себестоимости.

О демпинге говорили на все лады. Писали во всех газетах и журналах.

Тов. Литвинов приехал и при большом внимании зала предложил:

— Знаете что, вы говорите виноват наш демпинг — это конечно смешно. Что значит советский вывоз по сравнению с мировой торговлей! Но чтобы не было споров, вношу предложение. Давайте установим международный закон, по которому никто не смеет продавать за границей товары по цене, отличной от цен на внутреннем рынке. СССР первый согласен подписать такой договор

Что может быть проще?

— Это так же просто, как советский план одно-временного разоружения.

Но в женеском зале все затихли. Простые, несложные вещи здесь, как брошенная бомба.

Но этого мало. Сейчас в мире идет перекрестная жестокая таможенная война. Страны, как штыками, как проволокой, отгораживаются одна от другой высокими тарифами. Воеют между собой не только такие страны, как Франция и Соединенные штаты, Германия и Польша, Китай и Япония, но даже внутри Британской империи доминионы ведут тарифную войну между собой и со своей метрополией — Англией. Чем глубже кризис, тем острее таможенная война. Чем острее таможенная война, тем глубже кризис.

Литвинов предлагает:

— Давайте поднимем пакт об экономическом

ненападений. Давайте прекратим экономические войны. Давайте перестанем делить Европу на лагеря экономически враждующих держав. Так легче будет бороться с кризисом.

Кажется, не осталось газеты, которая не откликнулась бы на выступление тов. Литвинова. Ему делали комплименты, хвалили его стиль. Но по существу дела все осталось по-старому. Мир вооружается. Экономические войны в полном ходу.

Но рабочий класс всего мира начинает понимать, что сложные женевские дела можно было бы разрешить и просто и по-настоящему.

Но такой профинплан не по плечу Лиги наций.

Аристид Бриан — видный французский политический деятель, министр иностранных дел, кандидат в президенты республики.

На словах «за мир», за братство народов. На деле отъявленный милитарист, подготавливавший интервенцию против СССР.

„ВЕДЬ НЕ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ“.

Я И Ц А

В Америке, в штате Калифорния, в городе Тюрлоке, 15 февраля в суд привели двух женщин. Они обвинялись в краже яиц.

— Расскажите, как было дело, — спросил судья.

Одна из женщин начала рассказывать.

— Видите, мистер. Мы проходили мимо Биржевого клуба. На улице перед клубом стояли ящики с яйцами — сто больших, длинных ящиков. Вы знаете, там большое окно, мистер. Нам все было видно. Там собралось десять человек. Они надели на себя жестяные нагрудники и стали бросать друг в друга яйца. Они разбили семнадцать ящиков, весь пол был залит яйцами. После двадцатого яйца они, как были в ящиках, сели пить вино. А служители стали таскать ящики с улицы внутрь. Тут я и говорю Мари: „Мери, они все равно переберют все яйца. Давай возьмем по десятку“. У нас много ребят, мистер, кожа да кости. Вы знаете, теперь безработица, нечем кормить детей.

Женщина замолчала.

— И вы украли яйца? — спросил судья.

— Так все равно они бы их разбили. Вы посмотрели бы сами — яйцо летит, летит и — крах об нагрудник. Они стояли в ящиках по шиколотку.

Судья обернулся к истцу. Это был румяный молодой человек в цилиндре, с белоснежной крахмальной грудью. Он вертел в руках чайную розу. Молодой человек улыбнулся.

— Совершенно верно, — скачал он, не вставая с места, — эти сто ящиков мы разбили потому, что на рынке слишком много яиц, на них начали падать цены. Мы решили уничтожить излишки яиц, чтобы прекратить падение цен. Это наше добро, и мы в праве делать с ним, что нам угодно. Не так ли, мистер? Могу вас уверить, что такого веселого турнира не было еще в нашем городе. А воровство... — он бросил быстрый взгляд на обвиняемых, — а воровство должно быть наказано. Ведь мы не в Советском союзе. Эдак у нас не будет ни одного покупателя: каждый придет и возьмет у нас яйца даром.

Через десять минут судья прочел приговор: „Принимая во внимание тяжелое материальное положение обвиняемых, оштрафовать виновных в покреже яиц на 10 долларов¹ каждую“

¹ 1 доллар равен 2 рублям.

Д

Р

З

В О Л Ы

Л. ОСТРОВЕР

Мастера Хруцова ячейка направила в Сталинград на строящуюся электростанцию. Хрущов был недоволен командировкой.

— Куда я поеду? — плакался он товарищам. — Сорок лет, как одну копеечку, я отдал этому заводу. Стар я, товарищи, а там нужна молодежь. Горы вращать..

Не помогли жалобы Хрущову — поехал.

На Волге, недалеко от немецкой колонии Сарепты, которая в прошлом славилась своей горчицей, раскинулась стройка электростанции. В степи вырастает город. Железные башни тянутся до небес, каналы протягивают шпальцы до желтых вод Волги, гигантские землечерпалки роют котлованы.

Ускоренными темпами идет работа. Главное здание еще без крыши, а внутри, в здании, уже работают арматурщики. Всюду щепа, камень, мусор. Через несколько месяцев по этим проводам потечет дешевая электроэнергия для заводов и фабрик Сталинградского комбината.

Хрущов быстро обжился, вошел в работу. В разговорах все реже и реже упоминал он про московский завод.

Хрущов работал в машинном зале: он собирал везенное из-за границы оборудование. Однообразие с хрущовской бригадой работы французам. Они устанавливали железные фермы. Работали французы ловко, точно, как часовой механизм. Каждый француз знал свое место. Десять человек в три дня устанавливали ферму, состоящую из трех очень тяжелых частей.

Присматривался Хрущов к их работе и на седьмой день пришел к заключению, что французы воюлият. Работают, правда, четко, не делают лишнего движения, но работают с прохладцей. Во главе бригады стоит инженер, немец. Снаружи все прилично: немец распоряжается, а французы выполняют, но стоит инженеру уйти, как французы передразнивают «боша» и замедляют темп работы.

Поехал Хрущов к начальнику строительства тов. Ерману и сказал ему:

— Воюлият французы. Вражда у них с нами, и работа страдает. Товарищ Ерман, разрешите мне подобрать бригаду и установить одну ферму.

— Обозговать надо, товарищ Хрущов.

Степенным, старческим шагом вышел Хрущов от Ермана. Пришел в цех, посмотрел вверх: французы под крышей клепали балку. У Хрущова два часа свободного времени. Он сидит, курит, смотрит на работу французов. Наконец Хрущов встал и пустился быстрым, почти мальчишеским гоним к новенькому барaku. На маленькой двери барака выведено чернилами «Ячейка ВЛКСМ».

— В комсомол, дедушка, записаться пришел? — спросил озорной парнишка.

— Запишусь, внучек, — ответил Хрущов ириво, — только дай сначала присмотреться, что вы умеете.

— Все умеем! — ответил тот же парнишка.

— Все ли? — усомнился Хрущов.

К нему придвинулся секретарь ячейки.

— Ты ведь по делу к нам, товарищ? — деловито спросил секретарь.

— По делу. Бригада мне нужна. Французы работают не по-нашему. Давайте сами устанавливать фермы. Десять французов три дня канительтятся над одной фермой, а нам такая канитель зарез.

— После смены придут хлопцы, поговорю с ними, — ответил секретарь.

Попрошались. Хрущов ушел на работу.

К нему подошел Ерман.

— Товарищ Хрущов, — сказал директор так, чтобы весь цех слышал, — разрешаю. Но смотри, Хрущов, не осрамись. Немец сказал, что русская бригада с одной фермой неделю провозится.

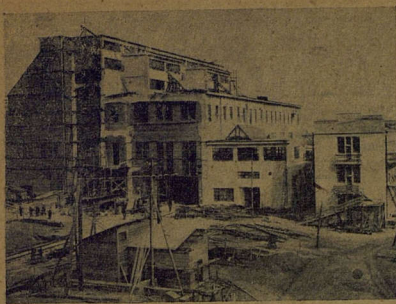
— Слышали, товарищи? — обратился Хрущов к цеху.

После работы пошел Хрущов в ячейку.

— Вот что, товарищи, Ерман перед всем цехом вызвал нас на соревнование. Работа очень трудная. Если не справимся, то лучше не браться.

Бригада была составлена до прихода Хрущова: в нее вошли три арматурщика, три сварщика и один слесарь. Парни молодые, почти без производственного стажа, но крепкие комсомольцы, проверенные.

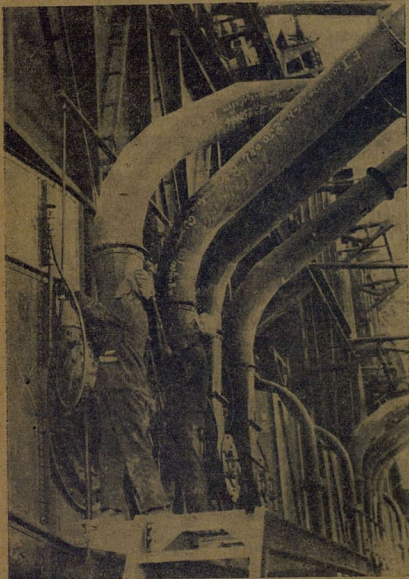
Близко к полуночи собралась бригада. Хрущов говорил по-стариковски, медленно, вяло. Но каждое его предложение было дельное. Бригадники заразились хрущовской осторожностью, обдумывали каждое слово. Решили: в свободную смену

КОРПУС СТАЛИНГРАДСКОЙ ЭЛЕКТРОСТАНЦИИ

отправиться всем в цех и присмотреться к работе французов. Так и сделали.

Через два дня отправились к Ерману.

УДАРНИКИ - ПЕРЕДОВИКИ,

ЗАКАЛЕННЫЕ БОЛЬШЕВИКИ,

СТАЛЬНОЙ ВОЛНОЙ УДАРНЫХ БРИГАД

— Обмозговали, товарищ Ерман, — сказал Хрущов. — Беремся сегодня за ночь установить седьмую ферму.

Ерман улыбнулся. Он верил Хрущову. Сам он пришел на строительство с партийной работы. Технических тонкостей он не знал, но был убежден, что энтузиазм поборет все трудности. Пожал всем руки.

— Смотрите, ребята, не подкачайте.

Французы ушли из цеха. Синий вечер окутал строительство. В клубе зажигались огни. Из города на трех машинах приехали артисты: готовилась постановка.

Никому ничего не говоря, разными дорогами пришла бригада в цех. План работы выработан заранее. Каждый стал на свое место. Дружно подняли железную балку, поставили ее, закрепили. Вторую балку было сложнее установить. Ее надо было поднять, поставить торчком на первую и закреплять на весу. Но и с этим справились. Очередь за третьей, за самой трудной. Работать надо было под крышей, без упора для ног. Балансировали, как канатоходцы. Работали молча, каждое движение было рассчитано.

Рассвет вошел в цех молочной серостью. Электрические группы поблекли. Из степи налетел свежий ветерок.

— Товарищи, — крикнул слесарь Вань, — приваля! Французы скоро придут.

С удесятенной энергией принялись за работу. Усталые руки наполнились свежей силой. Ноги цеплялись за каждый винтик.

Наконец установлена третья балка. Седьмая ферма стояла гордо и прямо, как корабельная мачта. Принялись за кленку, за сварку. Работа спорилась.

Французы по-обычному пришли на работу с песней, но посмотрев на выросшую за ночь ферму, они остановились в дверях, смотрели расширенными глазами и не решались двигаться с места.

— Кель дьябл! (Какой черт!) — воскликнул один из них.

— Не дьяволы, а большевики, — ответил Хрущов и впервые за ночь закурил папироску.

Французы смотрели в лицо добродушному Хрущову, смотрели на гореточку усталых юнцов и ничего не поняли.

— Не верят, — сказал Вань.

Хрущов хотел объяснить французам, но как объяснить, когда языка их не знает. Старчески, устало улыбнулся и сказал по-русски.

— На себя работаем, а вы — на хозяйна. Мы можем, а вы нет.

Французы растерянно улыбались, будто понимали смысл хрущовских слов.

КРЕПОСТИ ВРЕМЕНИ ПОБЕДЯТ

РИС. Б. ВИНУКОВА

Л. ВОРОНОВА

„АБХАЗИЯ“ ЖДАЛА

Осеннее предзакатное солнце будто охрой красило воду. Затихала Казанская пристань. Поезда, сдав свой груз, уходили, облегченно вздыхая. Грузенные баржи и пароходы отправлялись по Волге, увозя в промышленные центры хлеб, картошку, пеньку.

А „Абхазия“ все еще ждала. Она требовала срочной погрузки. Иначе ей грозил долгий простой и большие убытки.

Но шестую бригаду, которая должна была грузить „Абхазия“, это мало огорчало. Грузчик Матюшин сплонул в сторону „Абхазии“ и повернул домой.

— Убытки, простой?.. А мне-то какое дело? День прошел — и ладно. А срочно грузить — наши дураков.

— Что мы, ударники, что ли? — поддержал Матюшина Шайтанов, — это уж пусть ударнички ударяют. Им по-дурачки сойдет...

— Правильно, — подхватил Игнатьев, — а то выдумали... убытки. Им убытки — а нам-то что? Ай-да, ребята, по домам. Так и скажем: шестая бригада от срочной погрузки отказывается. Вот и все!

Шестая бригада так и сделала — отказалась от работы и ушла с пристани.

„Абхазия“ ждала, нервно подрагивая на остывающей воде. Каждый час простоя увеличивал цифру убытков.

И много бы еще часов простояла „Абхазия“. Солидную бы сумму составили эти часы, если бы не выручила ударная бригада, те самые „ударнички“, над которыми издевались „друзья“ из шестой бригады.

Ударники только что грузили на дебаркадере вокзала. Здорово устали. Хотелось разогнуть спину, расправить мускулы, отдохнуть... Но „Абхазия“ ждет.

И ударники забыли про свою усталость. Надо на деле доказать свое ударничество. Живо наладил сходи — и пошла работа.

Прошло четыре часа.

Нагруженная до бортов „Абхазия“, разрезая звездную воду, ушла от казанских пристаней.

КАК ЭТО БЫЛО

— С-сволочи!.. Хлеб у товарищей отбивать? — ревел Матюшин, размахивая кулаками. — Чужие пароходы грузить!

— Подождите, чортвы ударнички, мы вам покажем! — вторил Шайтанов.

При каждой встрече они, как помоями, обливали ударников грязными ругательствами. Травля началась с первых же дней существования ударной бригады.

Осень — особенно горячее время для грузчиков. Красные обозы подвозили картошку, хлеб, пеньку. Вереницы тяжело груженных вагонов останавливались у казанских дебаркадеров. Их еле успевали разгружать — на вокзалах вырастали горы мешков, десятки тысяч центнеров груза. Проставили пароходы и баржи, потому что не хватало рук, чтоб перетаскивать груз и опускать в глубокие трюмы. А промышленные города ждали продуктов. Заводы и фабрики требовали сырья.

Вот в это-то горячее время и организовалась ударная бригада. Молодежь. Энтузиасты. Матюшин, Шайтанов, Игнатьев с первых же дней приняли их в штатги.

— А, ударнички? Выхваляться хотят?..

Они не давали ударникам прохода, встречая и провожая ругательствами и насмешками.

Часто ударникам приходилось работать под ряд две смены. Плечи напрягались под тяжестью десятипудового груза. В глазах темнело от усталости. Человек напрягал все силы, боясь уронить тук.

ЛУЧШЕ ТУЛАЕВУ НЕ ПСПАДАТЬСЯ ЭТОЙ „ТРОЙЦЕ“

Тогда Матюшин и Шайтанов старались как-нибудь толкнуть ударника, бросали под ноги сучья, камни, а то и целые бревна. Часто, сбросив вниз свой груз и встречаясь на узких мостках с ударником, сгибающимся под тяжестью тюка, они останавливались и не желали сторониться.

Иногда кто-нибудь из „приятелей“ шестой бригады ронял боченок, который катился по мосткам и сразу же сбивал с ног нагруженного ударника.

— Ха, ха, ха, — веселились „приятели“, — ударничка подшиб! Нечаянно из рук вырвался... А ты, ударничек, что же слабо на ногах стоишь?.

„ТЕМНОЕ“ ОБЕЩАНЬЕ

Ночь. Затихли пристани. Горы груза отдыхают под брезентами.

Матюшин, Шайтанов и Игнатъев рыщут по барракам, по пристаням. Пристают к сонным грузчикам:

— Где Тулаев?

Грузчики не знают, где Тулаев. Но они знают, что лучше Тулаеву не попадаться этой „тройце“.

Тулаев тоже это знает. Потому и спрятался. Товарищи предупредили его о том, что Матюшин пообещал ему „темную“.

Вечером было собрание. Говорили о прогулах, о пьянстве. Говорили о слабой труддисциплине и о горах груза, растущих на пристанях и дебаркадерах.

— Дальше так продолжаться не может, товарищи, — говорил ударник Тулаев. — Надо подняться. Вот хоть шестая бригада — разве это дело?

Шестая выполняет норму только на 45—50%. Надо поднять труддисциплину...

— А, поднять труддисциплину... А расценки нам подняли? А продуктов прибавили? — закричали из шестой бригады.

— У нас такие же расценки, а мы норму выполняем...

— Дураков работа любит. Работайте, а нас не учите, — крикнул Шайтанов.

— Долой! — подхватили Матюшин и Игнатъев. — Долой... К чорту ударников!

Собрание превратилось в гвалт. И теперь, когда затихли пристани и грузчики растаплились на вонючих постелях, приятели из шестой бригады, сжимая в руках свинчатки, разыскивали Тулаева.

УТРО

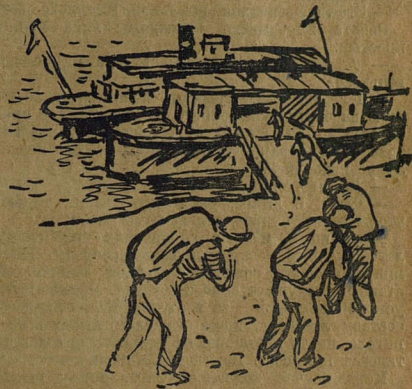
Они не нашли Тулаева. Зато их нашел пролегарский суд.

Грузчики, кто с ненавистью и возмущением, кто просто с любопытством и неприязнью, смотрели на своих бывших товарищей по работе, сидевших на скамье подсудимых. И те, которые раньше поддерживали Матюшина и его компанию, смущенно молчали, когда суд вынес свое решение:

„Всем по одному году принудительных работ и высылка из пределов Татарской Республики“.

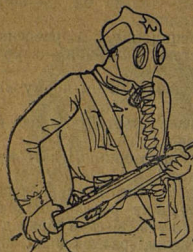
— Туда и дорога, — говорили грузчики, расходясь по домам, — гнилье за борт... Других мутья не будут...

А ударная бригада росла и крепла свой авторитет

УДАРНИКИ ЖИВО НАЛАДИЛИ СХОДНИ, И ПОШЛА РАБОТА.

**ТЕХ, КТО ПРОЗЯБАЕТ В СОННОЙ ОДУРИ,
КТО СТАНОК ЗА БУТЫЛКУ ОТДАТЬ ГОТОВ,
ПЬЯНИЦУ, ПРОГУЛЬЩИКА, ЛЕНТЯЯ И ЛЕДЫРЯ
ВОН ИЗ РАБОЧИХ РЯДОВ!**

История с противогазами

РАССКАЗ И РИСУНКИ

Я. ТАЙЦА

Что-то шаги взволнованно скрипят по песку второй линейки и дарапают тишину мертвого часа. Через минуту в палатку входят блестящие хромовые сапоги и напоминающий зубную щетку затылок клубного писаря Васи Березовского.

Ребята, развалившись на нарах, отдыхают после тяжелого учебного дня. Горячее солнце просвечивает сквозь брезент. Командир отделения Матвейн, босой, в одних штанах, выгоняет мух из палатки. Мухи назойливо жужжат, кружатся вокруг шеста, поддерживающего полотно. Убитые мухи сыплются на спящих ребятах. Матвейн яростно размахивает полотенцем и неожиданно для самого себя вдруг шлепает по голове Васю, когда тот суется в палатку.

— Что за чорт? — ругается Вася

— Нечаянно, — извиняется Матвейн, — отбивам воздушное нападение. Их тут целая эскадрилья! Ах, подлые!

— И Матвейн снова бросается в наступление. Вася косится на полотенце.

— Это твоя зенитная артиллерия? Неплохо бьет?

Ребята высовывают заспанные лица из-под простынь.

— А, Береза пожаловал? Чего в штабе ночевать?

— Есть новости, — говорит Вася, хватая лежащую на борту палаточного гнезда сумку с противогазом. — Вот эту штуку, — Вася энергично потряс сумку, — вам придется тащить на себе неразлучно пять дней.

— Да ты что?

— Факт! В штабе, уважаемые бойцы, только что вывешен приказ, а в нем говорится:

«С 10 по 15 июля, а. г. объявляю по N-скому лагерю пятидневку химической обороны. Ежеминутно можно ожидать учебной химической атаки, преимущественно с-воздуха. Приказываю: усилить наблюдение за воздухом. Всем личному составу лагеря, кроме тяжело больных в госпитале, иметь постоянно на данный период противогаз при себе. Начальник N-ского лагеря».

Мертвый час кончился. Сигналист у штаба заиграл подъем, и тотчас же закричали дневальные: «1-й батальон — подымайся, 2-й батальон подымайся!» — точь в точь, как переключаются утренние петухи.

— Это что же — все время на себе таскать? — сокрушался Апанасенко.

— Будешь таскать, как миленький, — ответил Березовский, сплюнул и стал хлопать по мундштуку ладонью, выталкивая окурки.

— Апанасенко, — сказал Матвейн, — сбегай в штаб, посмотри там насчет приказа.

Апанасенко натянул сапоги и встал смиренно перед Матвейным, который в свою очередь тоже вытянулся.

— Товарищ командир отделения, разрешите сходить в штаб!

— Идите. Когда вернетесь, доложите.

— Есть, — и Апанасенко с Березовским вышли из палатки.

Апанасенко, — вдруг крикнул вдогонку Матвейн, — надень, знаешь, противогаз. На всякий случай!.. Апанасенко повесил через плечо сумку и побежал к штабу.

Березовский не наврал. С самого подъема и до отбоя, в жаркие июльские дни, когда хочется скинуть с себя последнюю потную рубашку, противогазы висели на нас стесняющим движением кружам.

Время тянулось медленно-медленно — точно под команду «на месте — шагом марш».

Зеленые брезентовые сумки постоянно болтались на левом боку, натирая лямкой плечо сквозь тонкую летнюю гимнастерку.

Противогазы в конце концов надоели нам до чорта. Особенно тяготился Апанасенко, который старался избавиться от противогаза, как собака старается избавиться от намордника.

Но Матвейн зорко следил за бойцами своего отделения.

РЕБЯТА В НОВЫХ ПРОТИВОГАЗАХ
ТОПЛИЛИСЬ У ЗЕРНАЛА

— Апанасенко! — окликал он Сению, когда тот потихоньку, как кошка, подбирается к выходу из палатки. — Куда без противогаза?

Сеня делает невинное лицо.

— Забыл, товарищ командир отделения.

Прошли длиннейших четыре дня. Противогазы сопровождали нас во время купанья, умыванья, занятий, обеда и т. д. На ночь мы ставили их, по примеру Матвеева, у изголовья.

— Зря только таскаем, — ворчал Сеня Апанасенко и при всяком удобном случае старался побыть без противогаза.

Мы возвращались с купанья. Солнце садилось, и через весь луг протянулись наши смешные длинные тени. Тень Апанасенко не похожа на остальные, потому что на нем нет противогаза. Ему удалось проскользнуть мимо командира, и он очень доволен.

Медленно бредут ребята, усталые после купанья. На головах и спинах сохнут только что постиранные носовые платки и портянки.

Жара спала. Над стоящими у самой опушки лагерными кухнями вьется дым — дело идет к ужину.

Вдруг из-за леса с оглушительным жужжанием и треском вынырнули три самолета. Звон и грохот, похожие на отпугивание саранчи, поднялись в лагере.

— Хи-хитревога! — закричал Сеня, бледнея.

— Ребята, противогазы!

Думать некогда. Шапку долой — раз, маску из сумки — два, ладони в маску, чтоб ее раскрыть, —

три, маску на лицо — четыре, шапку на голову и — даешь в лагерь, что есть силы.

— Ребята! — кричит Сеня, хватаясь за развевающиеся платки и портянки. — А как же я... Поейте! А как же...

Самолеты что-то сбросили, и над лагерем рассыпалось огромное облако белого дыма.

Мы мчимся сквозь дым, как пожарные, впереди Сеня, закрыв лицо руками.

Около пирамиды нагих винтовок суетится человек с маской. Мы по ухваткам узнали Матвеева. Он издала нетерпеливыми жестами подгоняет нас.

Мы хватаем винтовки, сумки, подсумки, скатки и бежим за Матвеевым в лес. Сеня побегал за противогазом. Весь полк в противогазах выбежал в лес. Здесь газы не так легко распространяются,

как по чистому месту. Здесь кроме того хорошо маскироваться от самолета противника, скрываясь под чащей веток. Сверху нас совсем не было видно. Скоро прибежал Апанасенко; видимо он не сразу нашел противогаз.

Сердце колотится, выдыхаемый воздух хрипит в клапане. Очки запотевают — их протираешь красным резиновым носом.

Самолеты еще немного покружились над лагерем и улетели. Горнист сыграл отбой. «Снять противогаз» — прокатился по лесу команда, и все стали снимать влажные изнутри маски и протирать их тряпочкой, которая лежит у каждого в сумке. Вместо одинаковых резиновых рож снова показались знакомые лица. Сеня по своей привычке смущенно улыбался.

Полк построился за передней линией. Солнце уже зашло, но было еще светло. Командир полка верхом на рыжем коне проехал мимо наших рядов и сказал:

— Химическую тревогу можно считать удавшейся. Бойцы быстро собрались. Нам газ противника не страшен! Ура!

— Ура-а-а! — покатилося по рядам. Громче всех кричал Апанасенко.

После командира выступил полковой врач и стал говорить о действии ОВ (отравляющих веществ).

— Итак, мы видим, товарищи, что на всякий яд есть противоядие, на всякий газ найдется противогаз. Красноармеец Апанасенко Семен Иванович, — продолжал врач, — как не имевший при себе в момент химатаки противогаза, считается условно отравленным, и мы сейчас на нем произведем показательное лечение.

Апанасенко покраснел, открыл рот, словно хотел что-то сказать, и приподнял было голову, но сейчас же ее низко опустил.

— Что брат, Сеня, отравился? — зашептали ребята.

— Ничего, Сенечка, сейчас подлечат.

— Апанасенко Семен, выйдите на середину, — сказал врач, и Сеня, красный, как клюква, вышел вперед.

— Да я же не отравлен! — вдруг сказал он, убедительно протягивая руку. — Я себя чувствую вполне здоровым.

— Ничего, ничего. Ведь это только показательное лечение. Ложитесь в траве носилки.

— Санитары, разденьте больного!

Санитары в белых халатах кинулись к Сене — Я сам, я сам разденусь, — взмолился отравленный.

— Нет, вам нельзя, вы больной.

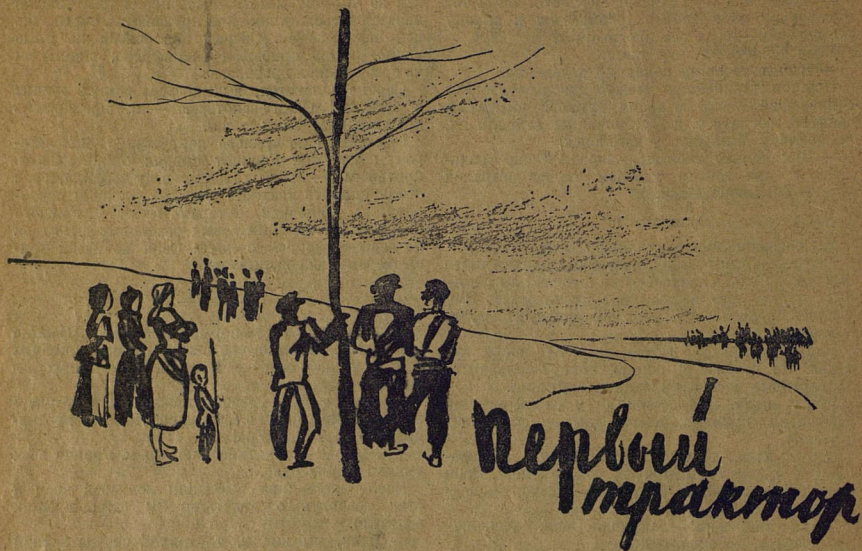

РИС. А. ЩЕРБАКОВА

М. ФЕДЮШКИН

Душное солнце обжигало станицу, горы и степь. Серая пыль обволакивала станичные улицы, поднималась с дороги и плавно, медленно оседала на сады, мазанки и курени.

Дзюба ввалился к предку коммуны:

— Ну Сергеня, сегодня трактор придет.

— Трактор! — выскочил из-за стола пред и забросил ложку в горячий борщ, прищурив глаза: — А... не врешь ты?

— Ну вот, врешь, врешь, — обиделся Дзюба, — тебе правду говорят, а ты врешь. — Чай, сам слышал, как пред кредитного товарищества сказал, что „Колос“ трактор должен сегодня встречать. Через полчаса уж все коммунары знали, что скоро придет трактор.

И хоть не хотелось дышать пылью, а вышли за станицу встречать трактор не только коммунары, а все хуторяне, станичники. Закатилось

солнце за горы. Подул ветерок и угнал пыль. Чистый и свежий стал воздух.

Говор, звонкий, грубый, мягкий, задорный говор казаков оглушал степь.

— Идет — тиш... идет...

И сразу весь гул притих. Сразу после слова „идет“ все загнулись; на полуслове, полурасказе, полупесне захопнули рты и прислушались...

Было слышно, как шелестела поржавевшая трава, как квакали в речке лягушки и мычали на базах быки.

Издали, от самой станицы, где недавно был выгружен с товарного новенький, пахший еще дегтем и краской „интер“, равномерным тактом, ритмической дробью затарахтел трактор.

— Трактор идет...

Скоро Сеня, полуголый, лежал на носилках. Смешок пробегал по рядам красноармейцев.

— Санитары, проделяйте процедуру, — сказал врач и продолжал: — при отравлении нарвным газом, например ипритом, надо прежде всего...

Врач говорил, санитары все это проделявали на бедном Сене перед тысячами глаз.

— При отравлении удушливым газом, например хлором... — говорил врач, оглядываясь на Сеню, который барахтался в руках неумолимых санитаров.

Наконец санитары надели на Сеню новенькую чистую рубашку и отпустили его.

— Как себя чувствуете? — спросил врач у Сени. — Отравление прошло?

— Прошло, прошло! — отвечал Сеня, злой и взъерошенный.

В палатке мы долго донимали бедного Сению.

— Что, брат, не зря мы таскали противогазы?

— Как лечение — понравилось?

Сеня не знает, что сказать, и крепится.

— Его надо в госпиталь.

— Ясно — как отравленного, — не унимались ребята.

— А я за то новую рубашку получил, — вдруг выпаливает Сеня, — вот что.

Этот факт. Весь полк видел. Крывать нечем.

Захлебывались радостью коммунары. Вот он, стальной агитатор, идет им на помощь, агитировать за коллективизацию. Горели ярко огни у „интера“, белым светом заливали дорогу.

Было видно, как поднимали колеса пыль, как, словно ножами, прорезали ее лучи тракторных прожекторов.

Когда трактор, ласково мурлыча, как сытый кот, подъехал к станинчикам, вышел Дзюба, залез на сиденье к рулевому и начал:

— Наконец-то дождались мы нашего помощника. Вот он, наш... дорогой...

Голос его дрожал, а сам он говорил с переборами:

— И все потому, граждане, што сила коллектива большая, и все потому, што только колхозам и коммунам доверяет советская власть стальных лошадей. И мы, коммунары, гордимся своей „лошадкой“. Гордимся потому, што она у нас сильная, потому, што она откроет вам всем глаза, заставит понять вас, што в коллективе жить и лучше и радостней.

Слушали казаки, обмозговывали свою жизнь. Расходились поздно. Почти все подходили к трактору и, поглаживая его горячую спину, ласково говорили:

— Везет им, коммунарам-то! Ишь какую кобылу себе достали. Меньше работать-то сами будут, трактор за них делать будет.

Трактор, покашливая, скрылся в сарае. Смолкли разговоры.

Все разошлись. Говора не было слышно. Только на краю станицы захлебывалась веселостью молодежь: пиликала гармонь да девки распевали веселую песню.

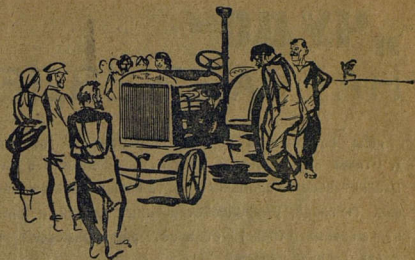
Первый трактор взбудоражил станицу. Никогда такой машины не видали казаки, глумились до этого над окрепшей коммунарской худобой, а теперь, когда в коммуну пожаловала невиданная до этого машина, все с завистью стали смотреть на коммуну — заживут теперь. Ей пра, заживут. И каждый украдкой от соседей, стыдясь, чтоб не узнал кто-нибудь, корявыми буквами строчил заявление о приеме в коммуну...

И тихими шажками, крадучись, пробирались к правлению коммуны, дрожащими руками совали заявления членам коммуны.

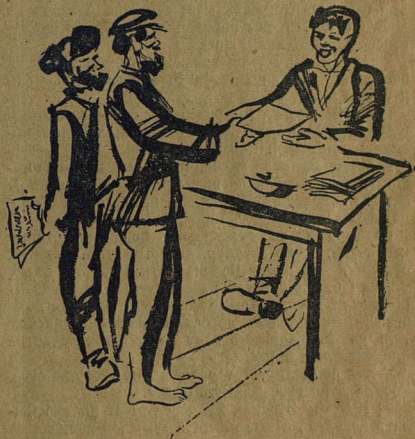
А Парфенов Никита, пришедший домой после встречи с трактором, обнял своего сынишку, встряхнул и буркнул:

— Пиши заявление, Петя. Пиши. А я диктовать буду. Ну начинай:

„Я, Никита Петрович Парфенов, по кличке Пушиков, подаю заявление в коммуну „Колос“ и прошу принять меня в свои члены. Меня толкнул в коммунию весугить трактор, и я все свое хозяйство, которое состоит из пары волов, кобылы и мазанки, передаю в коммунию“.

ПОЧТИ ВСЕ ПОДХОДИЛИ К ТРАКТОРУ И ЛАСКОВО ПОГЛАНИВАЛИ ЕГО ГОРЯЧУЮ СПИНУ

ДРОЖАЩИМИ РУКАМИ ПОДАВАЛИ ЗАЯВЛЕНИЯ ЧЛЕНАМ КОММУНЫ

ЗЕМЛЕ ЗАПАХАННОЙ ВОЛЬНЕЙ,

ЗЕМЛЯ КАК БУДТО С НАМИ РАДА,

ЧТО МЧАТСЯ ТАБУНЫ КОНЕЙ

НА ШИРЬ ПОЛЕЙ ИЗ СТАЛИНГРАДА

НА КОНКУРС ЛОЗУНГОВ. Н. ЦИГИПОВ

„ЧУДО“ НА РАЗЪЕЗДЕ

«Мы вступили в период социализма», говорил т. Сталин на XVI съезде партии. С введением в социалистическую промышленность новых промышленных гигантов, усовершенствованных машин и электрификации страны отмирает ряд профессий и мелких специальностей.

Расназ „Чудо на разъезде“ первый из серии рассказов об умирающих профессиях.

Рис. В. КОНСТАНТИНОВА

С. ГУРОВ

Мишкин дедушка Федор Михеич больше полжизни прожил в семи верстах от большой станции, в маленькой будочке у железнодорожного разъезда. Через разъезд пробегало в сутки восемь пар поездов. Три пары встречались. Трижды в день Федор Михеич переводил стрелку и напутствовал проходящий поезд:

— На Кинешму полетел... Ну, вваливай! Пути свободны! — говорил он пассажирам на Кинешму.

В одиннадцать с минутами проскакивал скорый в Москву, в час две тархтел и сошел мимо „максим“ на Нерехту. Потом еще...

В будке не было часов. Но и без них он никогда не ошибался во времени. А ошибся бы — Жучок подкажет. Как время пришло — к двери подойдет и начинает царапать лапой.

Нехитро было дежурство: подойдет старик к стрелке, отперет замок, которым закрыта петля стрелки, чтобы кто по шалости или по злему умыслу стрелку куда не следует не перевел, — пропустит поезд, стоя с зеленым флажком, — и все. Так бы наверно до самой смерти и прожил тут, но в двадцатом году начальник участка предложил старику:

— На социалку. На содержание государства. Государство тебе платить будет.

— Ну-у-у? Это как же то есть? Я ничего делать не буду, а мне платить будут? — не поверил Федор Михеич.

А еще через полгода старик распрощался с родной будкой и уехал в деревню.

За восемь лет, которые прожил Федор Михеич в деревне, поселок вырос в город. На глазах у недоверчивых станционных старожиллов стали расти корпуса домов и трубы фабрик. Постепенно замусоренная площадь стройки очистилась от строительного хлама.

В стороне от фабричных корпусов вытянулись вставленные в зеленые рамки кустов и деревьев улочки и переулки.

В день Первого мая 1928 г. заревел гудок, всполошив всех жителей окрестных лесов на десяток верст кругом, — и на каменно-стеклянном здании

главной электрической станции радостно затрепетал алый флаг.

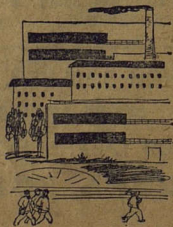
А потом начались деловые будни. Приехали тысячи рязанских торфяниц в цветистых платьях, расплескали по обширным болотам звонкие песни, песни смешались с грохотом торфяных машин и экскаваторов, сплошной рекой потекла пицца для электростанции — торф.

От электростанции в трех направлениях протянулись упругие канаты проводов. От канатов во все стороны побежали тонкие проволоочки — и на сотни верст понеслась по ним электрическая энергия.

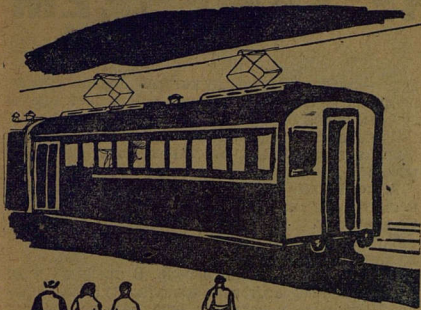
А еще через год станционные старожиллы диву давались и таранили глаза на небывалое чудо. У перрона остановился кургузый поезд — без паровоза. Он не отдувался, не шипел и не пыхтел. Около него не было облаков пара. Народ не морщился от чадного дыма. Да и дыма не было. Даже и трубы для выхода дыма не было.

Уйдет поезд — старожиллы начнут стрить догадки о том, что такое будет устроено в новом здании, которое пристраивается к вокзалу. Кто говорит — новый зал для ожидания, кто — товарный контора. Но большинство думало, что будет буфет окна большие делалы, как в ресторане.

И никто не угадал. В новом здании поставили белые мраморные стены с десятками приборов и выключателей, какие-то замысловатые машинки, на стену повесили громадную синюю карту с планами путей, а у одного окошка пристроился стол с блестящим телеграфом.

С первого года своего учения в деревенской школе Мишутка мечтал поступить на завод. Еще маленьким парнишкой был он однажды с отцом в железнодорожных мастерских — и с тех пор в его голове жили планы и мечты о заводе.

А в этом году он окончил школу, и отец согласился отпустить его в город, в фабзавуч.

— Только я с тобой по городу таскаться не буду. Устраивайся сам. Мне некогда.

Мишутка — пионер. Через пионерскую организацию он сумел разузнать все, что надо было знать о фабзавуче. Он был уверен, что „свои ребята“ есть и в городе, что он не пропадет. Вот только бы как с квартирой устроиться.

Тут ему пришел на помощь дедушка Федор Михеич.

— Ничего, голубок, устроимся как-нибудь... Вот вместе с тобой съездим на станцию (он еще не привык, что около станции давно вырос город), найду там знакомого кого и устроим...

В августе поехали в город.

На станции Михеич встретил знакомого старика. Когда-то он служил путевым сторожем. Поговорил с ним, и старый знакомый обещал устроить Мишутку у себя.

— Вот только живу я далековато... Ежели по путем итти—полчаса или чуть больше часу.

Зашагали двое стариков и пионер по шпалам к противоположному станции концу города.

— Мишутка, вот сейчас за этот мысок завернем—моя будка будет... Больше сорока годов тут прожил!

— Нету будки-то, Федор Михеич,—угрюмо бросил дедушкин приятель,—сломали..

— То есть как—„нету“? Подальше, что ли, перенесли?

— Совсем нету!

Путники как раз обогнули мысок, и Михеич убедился, что действительно будки нет.

— Вот это место стояла,—показал он пальцем,—а тут...—и вдруг старик с недоумением стал оглядываться, словно искал чего.

— Постой, постой... Как же так? А стрелки-то где? Это вот пути на Кинешму. Туда на Нерехту...

— И стрелок нет!..

Они подошли вплотную к тому месту, где когда-то была будка и около нее стрелки. Не было сейчас ни будки, ни стрелок. Стрелки-то собственно были. Но это совсем не такие стрелки: не было у них самого главного с точки зрения Михеича,—не было той ручки, за которую он сорок лет переводил стрелку и направлял поезд по нужному пути. Там, где рельсы расщеплялись в стрелку, стояли только сигнальные фонарики.

Михеич с великим недоумением разглядывал поблескивающие рельсы: нагнулся и пощупал их, будто хотел убедиться, заправдавшие ли они. В этот момент с легким лягом стрелка перевернулась сама собою. Михеич совсем ошел. Он нагнулся и попробовал поставить конец рельсы в прежнее положение, но стрелка словно приросла к месту, не двигалась.

— Это что же? А? Это как же?

— Ликстричество,—сурово бросил приятель.—Теперь на всем нашем участке ликстричеством стрелки переводят...

— А где же стрелочкини-то?

— А нету никаких стрелочников... Сидит на станции какой-то техник, говорят, и переводит...

Эти немногие слова были так необычайны, они говорили Михеичу о такой небывалой истории, что он даже присел на рельсы.

— Это верно, дедушка. Мы еще в школе читали. Теперь на многих участках такие стрелки делаются. Я вот только забыл, как это называется...

— Без стрелочников?

— Без стрелочников!

— Ну, а ежели она не так встанет, как надо!

— Тут, дедушка, механизм так устроен, что всегда встанет так, как надо. Старик начал расспрашивать внука, что и как, желая узнать все подробно, но Мишутка подробностей не знал и сам. Он только с твердой уверенностью мог сообщить дедушке, что при новых стрелках действительно не нужны стрелочкини.

— Та-ак...—задумчиво протянул Михеич.—Значит всех стрелочков теперь к расчёту. Та-а-ак... А Кислов-то куда же теперь?—вдруг оживляясь, спросил он у приятеля.

— Кислов работает на станции.

— А Наумов?

— Наумов сперва в депо чернорабочим был, потом подучился, сейчас слесарит. Да всех стрелочников кого куда к делу приспособили. Сам знаешь—теперь рабочих-то только дай.

— И давно это тут?

— Да поболее году.

— И ничего? Крушения не было?

— Пока нет! Ну вот, теперь свернем направо...

Вон, голубенький-то домишко, видишь,—мой это. Говорят снесут скоро. Большой дом тут будет.

Михеич, а за ним и Мишутка посмотрели по направлению, указанному стариком, и увидели уютный голубый домик, притулившийся подле громадного каменно-стеклянного домища с балкончиками и с лесом антенн на крыше.

Свернули с полотна и пошли по замощенным уликам.

Михеич, старый стрелочник, понуро опустив голову, разглядывал асфальт тротуара под ногами и все думал о маленькой будочке на седьмой версте, об уничтоженной стрелке и об умирающей должности железнодорожного стрелочника.

ТО, ЧЕГО МЫ НЕ ЗАМЕЧАЕМ

УРАЗОВ

Вещь готова: папироса, мотор, конфета, ботинок...

Завтра, послезавтра часть этих папирос задымится в перерыве в заводской курилке, моторы будут втузданы ремнями приводов, конфета порадует ребят за вечерним чаем...

Бывает и так, что завод работает без перебоев и простоев, а вещи — готовые, нужные вещи — не сразу уходят с завода в жизнь и быт.

Из-за „пустяка“ не погрузишь в грузовик, как дрова, папиросы. Не навалишь конфеты.

Тара и упаковка — это обычный „пустяк“, то, чего мы не замечаем. Мы равнодушно выбрасываем обертки и коробки, ломаем ящики, срываем баннероли.

Тысячи типографий в сотнях городов в три смены печатают газеты, журналы, книги. По улицам везут рулоны и тюки бумаги для листовок, плакатов, воззваний. Сколько бумаги списывают учреждения! Сколько миллионов писем разносят почтальоны! Трудно даже представить себе все это количество бумаги.

А между тем на упаковку и тару, на обертки и коробки уходит не меньше бумаги, чем на все книги, газеты, письма, журналы.

А ящики! А картон! А бутылки! А мешки!

Обслужив один раз, большая часть тары и упаковки умирает в мусорных ящиках. Когда была кампания сбора утильсырья, подсчитали, что одни лишь кости, тряпки, бутылки мусорных ям могут дать 30 млн. валюты в год. На что никчемная

вещь — табачная пыль, от которой „охрана труда“ не знала как избавиться, но и она дает теперь 300 тыс. руб.

А половина содержания мусорного ящика — бывшая тара. Сколько жестянок, консервных коробок!

А конфетные бумажки? Когда мы покупаем кондитерские изделия, 13 коп. с рубля платим за упаковку.

Треть стоимости консервов или спичек — это жестянка или коробка.

Тара играет громадную роль. В прошлом году во время хлебозаготовок нехватало 11 млн. мешков. В этом году нехватит еще больше, потому что мы значительно расширили посевную площадь.

Значит, каждый мешок должен поработать за двоих и троих. Сделать это можно, и это будет сделано.

ПОЧЕМУ ЖЕ ВЫ НЕ СОЖГЛИ КОРЗИНУ?

Вы ездили в лагерь. Вернулись, вынули из мешков, корзины белье и книги, убрали их. Теперь вы конечно выбросите корзину в мусорный ящик или пустите ее на растопку.

Не пустите? Почему?

Корзина — это тара для белья и книг. А разве вы не растапливали печь ящиком, такой же корзиной. Разве вы не вытирали ноги о половник, бывший мешок, в котором так нуждается страна?

Еще недавно госмагазин продавали за бесценок ящики. А в это время на заводах скапливались товары из-за отсутствия упаковки.

Проблема упаковки далеко не проста. И каждый производитель, каждый рабочий, каждый пионер должен знать о ней.

ЗДЕСЬ ЛЕЧАТСЯ ВАШИ ЖЕРТВЫ

Их привозят сюда на автомобилях и лошадях. Привозят искалеченными, израненными. На каждом ухабе они вздрагивают и кричат.

Вряд ли какая-нибудь лечебница знает такое количество больных. Сюда доставляют их до 10 тыс. в день.

Как и во всякой больнице, сначала регистрация и осмотр. Эти искалеченные требуют серьезного лечения. Иные попадают сюда на день и больше. Некоторым никогда больше не суждено вернуться к жизни. Они безнадежны. У них тяжелая и опасная профессия. Более опасная, чем у циркового акробата, потому что они падают на камни мостовой. Более тяжелой, потому что они часто на морозе по много суток под ряд, потому что они работают без смены и в постоянных разъездах.

Вот почему столько больных. И еще потому, что они и сегодня не могут добиться человеческого обращения с собой.

ЗАГOTOВКА КОРЗИН ПОД ПЛОДОВОЩИ.

ЭТО ДЕЛО КАЖДОГО ИЗ НАС

А между тем помочь делу может каждый. Таре можно помочь только более бережным обращением с ящиками, тюками, бочками. В самом деле, если они не будут разбиты и искалечены, — значит они могут служить еще. Это как будто само собой разумеется, но об этом редко кто помнит.

Наконец очень много пользы могут принести пионеры своим участием в сборе утильсырья. В прошлом году они собирали мешки для хлебозаготовок. Мешки — это тара. Мешок — дело маленькое. Но каждый мешок дает возможность ускорить хлебозаготовку, скорее свезти хлеб.

Пионеры и в этом году должны принять участие в сборе мешков, как можно раньше, чтобы каждый мешок успел послужить не один раз, чтобы мешки можно было заранее доставить в те места, где они будут нужнее.

Это мы говорим о мешках. А ведь есть десятки, сотни видов тары и упаковки. Многие из них нуждаются в помощи.

Еще недавно тара была беспризорником. Для заботы о таре было создано особое учреждение — Союзтара. Она изучает тару, заботится о ней. Но дело это еще новое. Мешки часто идут на тряпки и половики. О них не заботятся. Мы должны спасти мешки и сохранить их государству, которое о них позаботится.

Их почистят, починят, — и они привезут осенью хлеб. Они станут полезными работниками. Маленькими, незаметными, но нужными работниками на фронте нашего строительства.

ПОЧИНКА МЕШКОВ-ТАРЫ

Эта больница — живой укор многим из нас. Сюда можно было бы устраивать экскурсии, чтобы показать, как не надо обращаться с ящиками и бочками.

И все же из искалеченных, раненых, больных бочек и ящиков делают ежедневно до 6 тыс. новых. 180 „врачей“ обходят „больных“ с молотками в руках. Здесь при помощи молоточка не только „выслушивают“, но и лечат. Там прибивают планку, здесь заменят одну доску, — и 6 тыс. ящиков и бочек снова становятся в ряды строительства на незаметные, но ответственные участки боев за выполнение промфинпланов.

Такие мастерские — дело новое. Пока ремонтных баз Союзтары 50. К концу этого года их будет уже 120. Первый шаг сделан. Многократное использование тары стало осуществляться.

ВРАГ НАМ КАЖДУЮ

МИНУТУ УГРОЖАЕТ

СПЛЕТНЕЙ, ОБРЕЗОМ,

ЕХИДНЫМ СМЕШКОМ

ОТВЕТИМ ВРАГУ

ОХРАНОЙ УРОЖАЯ,

КАЖДЫМ

ЗАШТОПАННЫМ

МЕШКОМ.

ПРИГОТОВЛИВАЮТ ЯЩИНЫ ДЛЯ СБОРА ОВОЩЕЙ

ПИСЬМО О ЛИНЕЙКЕ, БЬЮЩЕЙ ДО КРОВИ

Мы живем в Лонг-Айленде. Это островок у берегов Америки, входит в штат Нью-Йорк. Здесь много фабрик, приготавливающих консервы из ракушек. Мы, бедняки, собираем их, работаем на фабриках, приготавливаем их, чтобы потом их ели богачи, которые платят гроши за нашу работу.

Как только уроки кончаются, я бегу домой, что-нибудь съедаю всухомятку — обедать некогда — и бегу на фабрику. Там работаю до вечера, т. е. до конца дневного улова. Бывает, что приходится оставаться поздно, иногда и до полуночи. А занятия в школе начинаются в восемь часов. Беда, если опоздаешь на урок. Недавно Джэк, мой приятель, опоздал на семь минут — учительница его начала ругать. Он сказал, что вместо большой матери он должен был пойти на базар за продуктами. Учительница избилла Джэка линейкой до крови. У него на щеке теперь

большой шрам. А отцу Джэка она сказала, что Джэк испорченный и вредный мальчишка и что его вышвырнут из школы в следующий раз; и он должен быть ей благодарен за то, что она избилла его, а не уволила.

Мой отец работает батраком на ферме, а старший 12-летний брат теперь помогает отцу. Оба все лето и весну с пяти часов утра уходят на ферму, а приходят домой после заката солнца. Брат в школу приходит прямо с фермы, после уроков опять идет на ферму.

Мы слышали, что в Советском союзе дети учатся и не работают. В пионерском журнале мы читали, что пионеры в Советском союзе помогают правительству выполнить пятилетний план. Мы все читали о пятилетке и поражаемся ей. А у нас безработица и нищета. Каждый из нас очень хотел бы поехать в Советский союз посмотреть, как там живут дети рабочих.

Недавно мы собрались на дустры за школой и говорили о том, что хорошо бы и нам в Соединенных штатах устроить такую же жизнь для детей, как в Советском союзе. Но я сказал, что это возможно только тогда, когда наши рабочие возьмут власть в свои руки.

Марк Хигден, сын торговца рыбой, передал наш разговор учительнице. На уроке она начала говорить, что в Советском союзе разруха и голод, маленькие дети умирают с голоду сотнями. Большевики, говорит, дикие звери и бандиты. Они грабят рабочих и заставляют их даром работать на фабриках.

Тогда я сказал, что читал о пятилетке и о том, что никакого голода в Советском союзе нет. Тут учительница избилла меня линейкой по щекам. Говорят, она подала на меня жалобу директору школы, что я занимаюсь коммунистической пропагандой. Может быть, меня исключат. Пусть. Пойду работать на ферму или останусь на фабрике.

ПИСЬМО НЬЮ-ЙОРКСКОГО ГАЗЕТЧИКА

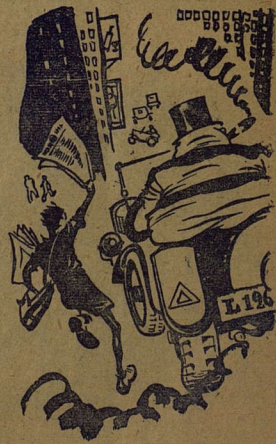
На углу 43-й улицы в Нью-Йорке я продаю утренние и дневные выпуски газет. Раню утром, до школы, мы с братом (ему 9 лет, а мне 11) бежим в контору за газетами. Затем продаем их, когда люди бегут на работу. Продаем мы их на станциях подземки. Потом, даже не позавтракав, — в школу. После школы опять на улицы продавать дневной выпуск.

Мой отец работает на металлургическом заводе в горячем цехе. Приходит с работы уставший, измученный. Мать все время была без работы, а сейчас устроилась за половинную плату на ночную работу в прачечную при большом отеле на 6-й авеню.

Мы с братом приходим домой тоже очень поздно. Мы должны оставаться на улице до тех пор, пока не продадим всех газет. Вот часов 13-14 так и вертись то с газетами, то в школе. Так живут все. Иной раз встретиться парнишку с газетами, а ему нет и семи лет. Недавно стоял один

УЧИТЕЛЬНИЦА ИЗБИЛА ДЖЕНА
Л. НЕЙНОЙ ДО КРОВИ

НА УГЛУ 43-й УЛИЦЫ НЬЮ ЙОРКА ПРО-
ДАЮ УТРЕННИЕ И ДНЕВНЫЕ ВЫПУСКИ
ГАЗЕТ

ДЖОННИ ЛОУЕЛЛ, 10 ЛЕТ.

Лонг-Айленд

такой на углу и писал: „Купите газету“, ну, многие покупали, уж очень он был мал.

Наша работа трудная. Стоишь и в снег, и в дождь, и в жару и кричишь, кричишь без конца. А все, что заработаешь, уходишь на книги, чуть ли не каждый день приходится покупать. А книги у нас в Америке не дешевые. Кроме книг приходится покупать линейку, карандаши, бумагу, чернила и т. д. А учителя говорят, что если у вас нет пособий, можете убраться домой.

Зато братишка приносит свой заработок домой целиком. На эти деньги мать готовит нам на ужин что-нибудь такое, в роде картошки на маргарине.

Недавно мы с братом, мой приятель Боб Вернон и Фернанд записались в пионерский отряд. Теперь мы по вечерам ходим в пионерский клуб, слушаем разные беседы и устраиваем радио. Недавно нам рассказывали о жизни Ленина, великого вождя рабочих. Было очень интересно. Там, в клубе, висит его портрет Большой такой человек с высоким лбом. А глаза добрые, добрые.

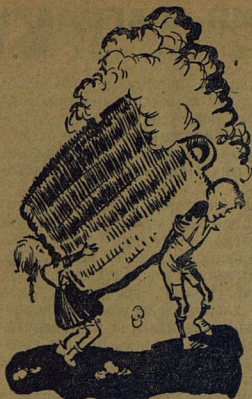
По радио мы слушали на-днях концерт из Москвы. Кто-то говорит по-английски о том, что рабочие и крестьяне всего мира должны защищать Советский союз от нападения капиталистов. А так как американские капиталисты все время готовятся к войне, то мы, пионеры, поклялись защищать Советский союз и вести пропаганду среди всех рабочих детей, чтобы они становились пионерами и узнали таким образом правду о Советском союзе.

РОБЕРТ ХОЛИДЭЙ, 11 л.

ПИСЬМО ИЗ СЕВЕРНОЙ КАРОЛИНЫ

Мой отец привез мне на-днях пионерский журнал. Мы уже давно знаем о пионерах и хотим все записать. Фред даже написал в редакцию, чтобы нам помогли организоваться.

Отцы и старшие братья и сестры работают на фабриках или на фермах. Мне 12 лет, и я тоже работаю на ферме, где возделывается хлопок. Работаю я с восьми лет. Сначала я помогал матери: вместе с ней мы собирали хлопок в большие корзины. По-

ШЕСТИЛЕТНЯЯ СЕСТРЕНКА ПОМОГАЕТ МНЕ ТАСКАТЬ ХЛОПОК

том я стал работать один. Мать часто болеет, и тогда шестилетняя сестренка помогает мне. Работа дается нелегко. Иногда так устанешь, что потом целую ночь заснуешь не можешь и думаешь, думаешь все о том, что хорошо было бы поучиться, хорошо бы поиграть влостью в волейбол.

Со мной вместе работал Эдди Конрой из Нью-Йорка. Эдди — пионер, он-то и организовал нас, и если бы он не уехал, то отряд наш работал бы и сейчас. Но Эдди был слабым мальчиком. Здепного жаркого солнца и каторжной работы на ферме он не мог перенести. Когда он заболел, доктор сказал, что здепный климат ему очень вреден и что его надо везти на север. Он и уехал. Он рассказывал нам о пионерах, о том, как живут в Советском союзе, о том, что там не надо работать с детских лет, а можно учиться и даже сделаться инженером. А у нас простой рабочий никогда не может сделаться не только инженером, но даже и механиком.

На ферме, где я работаю, очень много детей трудится вместе со мной. Надсмотрщик наблюдает за нами все время, чтобы мы не отдыхали. У него в руках всегда длинная тонкая палка. Если он заметит, что кто-нибудь из ребят замешкался или не очень проворен, он издавала ударяет его своей палкой по ногам. Иногда

после этого с трудом подымаешься, до того больно бывает. Руки наши все исколоты и болят. У меня они уже привыкли, а сестра каждый вечер плачет от боли. У других ребят руки иногда не разгибаются после работы, до того устают пальцы: ни согнуть, ни разогнуть. Но как ни плачет сестренка, ничего не поделаешь, надо работать. У нас в доме еще двое ребят поменьше ее. Одному 4 года другому — 3. Они пойдут на ферму, когда подрастут немного.

Я два года посещал школу, но потом бросил. В школу приходилось ходить очень далеко. Мы не успевали вернуться на ферму, и рабочий день пропадал. Когда у отца на фабрике сократили заработную плату на 10%, жить стало еще труднее. Пришлось бросить школу.

Ну что же. Мы зато надеемся, что американские рабочие скоро поступят с хозяевами так же, как поступили с ними рабочие Советского союза. Об этом нам рассказывал Эдди. Говорят, теперь отец Эдди уехал в Россию и работает там. И Эдди с ним. Вот это я понимаю — счастье. Мы, здепские ребята, все ему страшно завидуем. Теперь, когда отряд наш без руководства, мы решили организоваться вновь и работать как следует. Теперь ждем организаторов.

ФРАНК СИДНЕЙ

В РУКАХ НАДСМОТРИКА ДЛИННАЯ ТОНКАЯ ПАЛКА, КОТОРОЙ ОН ОЧЕНЬ БОЛЬНО БЬЕТ ПО НОГАМ

„ДЕНЬ ВОЗНЕСЕНИЯ БЛАГОДАРНОСТИ“

РИС. В. КОЛОКОЛЬНИКОВА

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО Э. ХАММЕРС

„День вознесения благодарности“ — последний четверг в ноябре.¹ День вознесения благодарности богу за то, что существуют на свете такие замечательные люди, как миллионер Захария Колвин, шелковый магнат и благодетель человечества. Это он пожертвовал новое помещение для школы на втором этаже двенадцатипятиэтажного дома на углу 64-й улицы. Гигантской гранитной глыбой высятся дом. Улицы реками текут мимо него, как пародонные сирены ревут гудки автомобилей. Огромные, как баржи, ползут тяжелые грузовики Захарии Колвина, нагруженные токами с шелковыми материями. Из этих шелков шьют платья для богатых леди, черные сутаны для священников и галстуки для приличных людей.

Именно такой галстук был на директоре школы, почтенном мистере Рендолле, когда он торжественно открывал новое помещение школы.

Школьный зал был разукрашен портретами великих людей, начиная от Георга Вашингтона и кончая Гербертом Гувером.² Звездное знамя Соединенных штатов — символ американской мощи и могущества — величественно висело посредине.

В школе была группа ребят, которая очень беспокоила директора. Это были дети рабочих с 6-й улицы. Черномазые „даго“, рыжие ирландцы, мексиканцы с вечно разбитыми носами. Чорт знает, чьи они были дети! „Надо посмотреть за ними сегодня“, — с беспокойством думал мистер Рендолл, поглядывая на часы.

В половине одиннадцатого в школу начали собираться дети. Первыми явились ученики младших групп. Благовоспитанные дети уважаемых родителей. Сыновья торговца посудными изделиями — Джойса. Дочь судьи Фрей, украшенная розовыми бантами. Сын комиссионера по продаже автомобилей. Сыновья управляющего колвиновскими фабриками — чистенькие маль-

чики в черных курточках с белыми крахмальными воротниками. Все вели себя чинно, благопристойно, не шумели и не бегали по пустым классам. Сердце мистера Рендолла тихо радовалось.

Без четверти одиннадцать стали подходить дети рабочих. Они всегда приходили позже, так как жили далеко от школы. Они врывались в зал шумной, веселой гурьбой, громко смеялись и хлопали дверью. У черномазых итальянцев и мексиканцев были красивые носы и грязные руки. Они, не стесняясь, пытались кататься по паркету, как зеркало, паркету. Их нужно было постоянно одергивать и поглядывать, чтобы они не опрокинули какой-нибудь корзины с светами. Американцы и ирландцы были не лучше. Они топтали грубыми башмаками по полу, как солдаты. Их пришлось вернуть всех вниз и заставить еще раз вытереть ноги.

Наконец на больших часах, под портретом старого Авраама Линкольна³, пробило одиннадцать. Внизу раздался резкий звук автомобильного гудка — это миллионер Захария Колвин извещал о своем прибытии.

Мистер Рендолл бешено ринулся вниз. Дети и учителя бросились к окнам. Внизу, на тротуаре, изогнувшийся Рендолл высаживал из автомобиля достойного Захарии Колвина и его поджарую супругу.

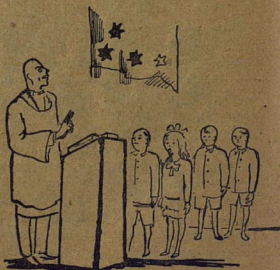
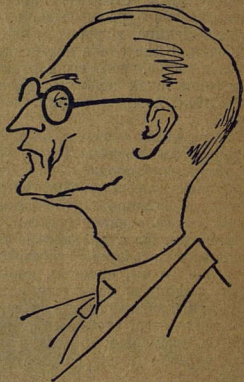
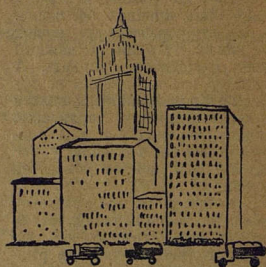
Все вошло в зал. Миллионер был тучный человек с одышкой и двойным подбородком. Он все время вытирал лысину огромным платком. Жена его стояла неподвижная, как памятник богатству и добродетели. Вошел пастор в черной шелковой сутане с молитвенником в руках. Торжество вознесения благодарности началось.

А в это время человек шесть мальчиков подошли к подъезду школы и, заметив синий автомобиль Колвина, остановились.

— Чорт возьми, эта скотина уже приехала! — сказал рыжий бойкоглазый мальчик лет двенадцати.

— Опоздали, ребята...
— Ну и влетит же нам...

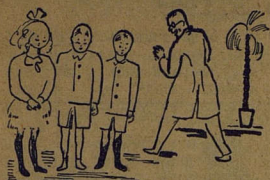
¹ Президент Америки, отменивший рабство.

¹ День вознесения благодарности небесам — специальный праздник в Америке.

² Георг Вашингтон — первый президент Соединенных штатов. Гувер — нынешний президент.

³ Так презрительно называют коренные американцы итальянских эмигрантов.

— А мы так очень боимся, как же,—насмешливо сказал первый.— Плавать я хотел на них и на их дурацкое торжество.

Он поправил красный галстук на шее.

Красные новенькие галстуки были у каждого. Шапки были только у двух. Новые ботинки — у одного. Но зато галстуки были у всех.

— Ребята, не трусить и перед миллионером не пресмыкаться... Пусть знает, что такое пионеры,— сказал опять первый мальчик,— сказал опять первый мальчик. Звали его Фред Мак Лафлин. Был он сыном ирландца, рабочего с фабрики Колвина. Отец его недавно вступил в компартию, и маленький Фредди тогда же стал пионером.

Его особенно — этого, большевистского щенка — Рендолл с удовольствием выгнал бы из школы, но мистер Захария Колвина хотел прослыть демократом среди рабочих и говорил, что дети не должны отвечать за убеждения родителей. Поэтому в его школу принимался всякий, по мнению Рендолла, сброд, в роде итальянцев и коммунистов.

Товарищи Фреда были его сверстниками. Отцы их были приятелями его отца и работали на той же фабрике. Недавно там организовался отряд пионеров, и Фред с друзьями вошли в него первыми.

— Ребята, галстуков не снимать, держаться равнодушно и флагу не присягать! — командовал Фред.

— А если нас заставят, Фредди? — спросил его осторожный Вилли Бернс.

— Не могут,— лаконично отрезал Фред.— Пусть-ка попробуют меня заставить. Я им устрою тогда „вознесение благодарности“!

Мальчики засмеялись.

— Ну, вперед! — крикнул Фред и побежал по лестнице. Приятели кинулись за ним.

Приход их произвел неприятное впечатление: во-первых, они вошли во время молитвы, во-вторых, громко хлопнули дверью, испугав почтенную мистрис Колвин, в-третьих, на них были надеты эти ужасные красные галстуки. Пионерские галстуки в школе Захарии Колвина! Торжество, испорченное на секунду, продолжалось.

— Смотри-ка, Джерри,— шепнул Фред,— какие бывают миллионеры. Что ты чувствуешь, Джерри?

— Мне, откровенно говоря, хочется ткнуть его в пузо,— пробурчал Джерри, маленький итальянец.

— Типе,— зашептали саади,— фараон идет!..

„Фараоном“ называли Рендолла.

— Прощу не шуметь и вести себя прилично,— прошипел Рендолл, подходя и хватая Фредди за плечо.

— Потихе вы! — вырвался из Фред.— Мое плечо не из дерева.

— Сейчас же снимите эту гадость,— продолжал Рендолл, указывая на галстуки,— слышите, немедленно!

— Мы галстуков не снимем,— отрезал спокойной Фред.— Мы ни перед кем не скрываем, что мы — пионеры.

Рендолл позеленел. Он понимал, что в присутствии мистера Колвина нельзя доводить дело до скандала. А эти мальчишки наверняка не уступят. Он чувствовал, что побежден.

— Мы поговорим с вами об этом после,— прошипел Рендолл, отходя.

— Катись... — засмеялись мальчики.

Когда пастор кончил чтение, Рендолл произнес тщательно подготовленную и зараче пропетрированную перед зеркалом речь. Он благословлял небо за появление на свет Захарии Колвина, самого замечательного и великодушного из людей. Миллионер улыбался. Он любил лезть, а этот учитель выливал ее тоннами.

— Браво, браво! — захолопал Рендоллу. Все глядели на миллионера, который, улыбаясь, мягко хлопал своими пухлыми подушками-руками.

Началась церемония приведения детей к присяге. Дети выстроились парами, подошли к знамени и произносили торжественные слова, выражающие преданность американскому флагу. Все шло гладко. Вдруг Рендолл заметил, что группа пионеров стоит в стороне и повидимому не собирается подражать другим. У него захолодело сердце.

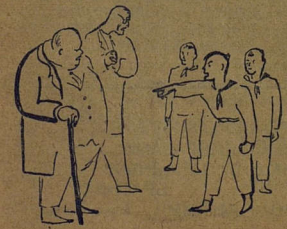
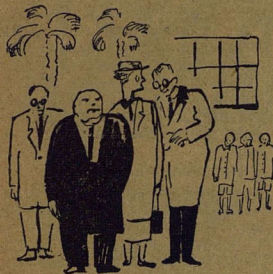
— Фред Мак Лафлин,— произнес он,— следуйте за остальными...

Мальчики не двинулись.

Все обернувшись к ним, Миллионер, вытирая потную лысину, глядел непонимающими глазами.

— Ну, что же вы, дети? — лаконично спросил он.

— Мы не будем приветствовать флаг,— звонко сказал Фред.

— Мы не будем приветствовать флаг, — как эхо, повторили остальные пионеры.

У Рендолла затряслась нижняя челюсть.

— Немедленно к флагу! — истерически кричал он. — Немедленно! Слышите!

Он сжимал кулаки, готовый броситься на оскорбителей. Миллионер отстранил его своей пухлой рукой.

— Это любопытно, — произнес он, оглядывая Фреда и его товарищей. — Почему же вы, дети, отказываетесь сделать то, что составляет долг каждого американского гражданина?

— Мы сожалеем, что мы американские граждане.

— Что такое? — удивился Захария Колвин.

— Да, мы сожалеем об этом, — спокойно продолжал Фред, выходя вперед, — и отказываемся приветствовать американский флаг. Это флаг рабства и угнетения. Везде, где развевается этот флаг, правительство Соединенных штатов преследует революционных рабочих. Сажают их в тюрьмы, мучает, убивает. Поэтому мы отказываемся приветствовать этот флаг.

— Мерзавцы, негодяи, — шептал Рендолл, — испортили день, испортили.

— Позвольте, дети, — сказал миллионер строго, — кто научил вас этим словам? Вы знаете, что такие вещи преследуются законом?

— Знаем, — хором ответили ребята.

— Знаем и не боимся, — сказал Фред. — Мы, представители пионерской организации, заявляем вам, что не боимся преследований вашего закона. У нас свой закон — революционная борьба против вас, и мы будем следовать ему до конца.

Фред с удовольствием бросал эти слова тому, кого так ненавидели все рабочие нескольких фабрик. Немногие из них решились бы сказать ему в глаза то, что они о нем думали, а вот он, Фред, сказал. Теперь его исключают конечно. Ну и пусть. Ничему

путному в этой школе все равно не научат.

— У вас в школе вредное влияние, Рендолл, — сказал миллионер, оборачиваясь к директору школы. — Надо было следить, Рендолл, — недовольно добавил он.

У Рендолла посередело лицо. — Я давно хотел исключить их, мистер Колвин, их отцы агитаторы и большевики.

— Вы приплите мне их фамилии, Рендолл, — сказал Колвин, величественно поворачиваясь к выходу. — В нашей школе и на фабрике не должны портить молодое поколение.

— Чтобы заставить нас воевать, не правда ли, сэр? — насмешливо сказал прислушавшийся к их разговору Фред. — Так будьте покойны: когда мы станем способными воевать, мы пойдем воевать против вас. Запомните это, сэр.

Миллионер покраснел. — Чтобы их завтра же не было здесь, Рендолл, — сказал он, уходя. — Надо подтянуть школу.

— Будет исполнено, мистер Колвин, — рабственно сгибаясь, прошептал Рендолл.

— Пойдемте, ребята. Здесь нам больше делать нечего, — сказал Фред и пошел к выходу. Товарищи последовали за ним, чуть-чуть стухнувшие, удивляющиеся смелости Фреда. „Так должны поступать и мы“, — думал каждый из них, уходя.

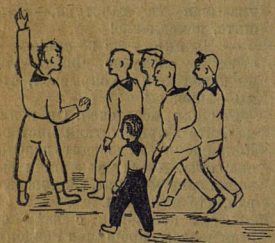
Поровнявшись на лестнице с миллионером, спускавшимся вниз в сопровождении жены и Рендолла, Фред дерзко крикнул:

— Проходите, сэр, увидимся на баррикадах! — Потом, отойдя, обернулся и добавил презрительно:

— Впрочем, вы-то будете сидеть на веревке в подвале. За вас будут драться лакеи.

И вся компания с хохотом пронеслась мимо миллионера.

— Нас теперь исключат, ребята, — сказал Фред, когда все вышли на улицу. — На фабриках готовится стачка, а нам, пионерам, надо быть готовыми к ней. Работы будет много.

В наших знаменах kloкочет стройна. Во вражых задычат кризис и голод. Будем упорно и стойко бороться под знаменами партии и комсомола.

ЗНАМЕНА ВСЕХ СТРАН БУРЖУАЗНОГО СВЕТА—

**ЭТО ЗНАМЕНА ВРАГА.
ТОЛЬКО ЗНАМЕНИ КРАСНОГО ЦВЕТА
БУДЕМ МЫ ПРИСЯГАТЬ.**

**ЭЙ, ПИОНЕРОВ КРЕПКИЕ РАТИ,
СМЕЛО БОРЯСЬ С ВРАГАМИ,
ПОМНИ О НАШИХ ЗАПАДНЫХ
БРАТЬЯХ,
ПОМНИ И ПОМОГАЙ ИМ!**

НА ФРОНТАХ ПЯТИЛЕТКИ

ТЕКУЩИЙ СЧЕТ ПЯТИЛЕТКИ ПИОНЕРОРГАНИЗАЦИИ

МЫ ТОЖЕ БОРЦЫ ЗА ПЯТИЛЕТКУ

Наша Шарьинская школа ФЭС решила устроить субботник силами учащихся 7-х групп и отработать день на 58-м разъезде на лесозаготовках. 2 последних урока у нас сняли. Нас отпустили домой, чтобы мы собрались в дорогу. К часу мы уже были в школе. Когда все собрались, мы пошли на станцию и сели на товарный поезд, заняв один вагон. Ехать было только два перегона. Ехали весело, пели под гармошку песни. Приехали мы на место часов в пять дня и разместились в одном бараке. Устроили сцену и часов в восемь открыли вечер. Сделали доклад. После доклада поставили пьесу.

На другой день утром, часов в шесть, мы поехали на лошади по снежной дороге за 5 километров от разъезда, где и провели свой субботник. Здесь мы разбились на бригады, и десятник дал каждой бригаде отдельную делянку.

Вот где богатство нашего Союза! Лес, лес и лес без конца. Чтобы увидеть вершины деревьев, нужно высоко закинуть голову.

Нас научили, как спиливать с корня деревья, и мы начали работать. «Пошел по лесу стук и треск». Там и тут лежали спиленные великаны. Проработав до 11 часов дня, мы пошли в барак, который был тут же, чай пить. Пришли в барак и рабочие лесозаготовок.

После чая мы работали до вечера. Вечером десятник обмерил бревна, наготовленные нами, и сказал: «Здорово. Хорошо, если бы это было каждый день, тогда бы мы пятилетку выполнили не в 4, а в 3 года». Потом приехала лошадь и увезла нас на разъезд. Там мы сели на поезд и поехали домой в Шарью.

ДЕТКОР КУБАСОВ

ДАЕМ ПРИМЕР

Яренская ШКМ за зимние каникулы работала по-ударному. Охватили два сельсовета и отсортировали 1814 пуд., т. е. 33 центнера зерна. Страхового фонда собрали 1¹/₂ тонны, а в других деревнях на 100%. Выпущено 14 стенгазет о посевной кампании и коллективизации. Поставили 42 спектакля. Отремонтировали 4 сельхозмашины. Распространяли литературу и газеты, распространяли облигации. Заем «Пятилетка в 4 года» распространили среди молодежи на 730 руб. Кроме того все сами шеказовцы вступили и организовали колхозы. Организовано 2 колхоза из 32 хозяйств.

Кулачье разнесло слух, что колхозников весной расстреляют, но этой чепухе никто не верит, и мы разъясняли, и в колхозы в это время входят.

ДЕТКОР ВЕНЯ ЛУКОШНИКОВ

Яренская ШКМ

БОЕВАЯ ПОМОЩЬ

На фабрике «Микояновка» в Ростове-на-Дону в ответ на прорыв база пионеров провела ударную работу: пионеры-фабзавучники становились работать к станкам прогильщиков. Собрали за короткий срок около тысячи рационализаторских предложений рабочих, выяснили причины прогудов, завели черную и красную доски и взяли над ними шефство.

Пионеры-микояновцы получили хороший отзыв рабочих за работу по ликвидации прорыва на фабрике.

ДЕТКОР С. ГУРВИЧ

Ростов-на-Дону

НА ШВЕЙНОЙ ФАБРИКЕ

УДАРНЫЙ ЦЕХ

Очерк деткора Григория Эпштейн

В МОНТАЖНОМ ЦЕХУ

Пять полок, одна над другой, возвышаются в монтажном цеху. Как дряхлые старики, лежат здесь окутанные густой сетью паутины двадцать зингеровских испорченных машин.

На пожелтевшем от густого масла верстаке стояла петельная машина с блестящей черной лакированной платформой, с золотым отгиском „Зингер К^о 71“, резко выделяясь среди других машин с заржавленной, поломанной кареткой¹.

Прогулы и преступно халатное отношение к ремонту машин вошли в „расписание“ механиков цеха.

Колька Гурвич предложил устроить в монтажном цеху общее собрание.

— Ведь из-за вашего плохого отношения к ремонту машин работницы сидят без работы, — сказал на собрании наш бригадир Леня Смелый.

— А в конце концов от этого страдает промфинплан, который выполнен всего лишь на 78 процентов, — добавила Нина Косторова.

НАХОДКА

На складе фабрики длинными рядами аккуратно разложена уже готовая одежда. Пестрят красные, серые, синие тулужки. Вдруг тишину прерывает звонкий голос Миши Письменного:

— Ребята! Сюда! Нашел!

Миша указал пальцем на семь рядом стоящих огромных ящиков. В пяти ящиках оказались различные лоскуты и тряпки, которые на следующий же день были нами отправлены на бумажную фабрику.

— А в этих двух ящиках катушки, — предложил нас Миша.

— Раньше катушки уничтожались, а теперь я предлагаю их вновь использовать, — сказала Нина.

— Ребята, — докладывал Леня, — в беловшейном цеху работает почти одна молодежь. Нужно добиться, чтобы этот цех объявил себя ударным. Комсомольское ядро беловшейного цеха наше предложение поддержало. Но со стороны несозначательной части посыпались насмешки.

— Неужели мы будем слушаться этих малышей? — шептала каждому встречному известная прогульщица Марфа Никулина.

Но, несмотря на это, все чаще и чаще вспыхивали над станками красные флажки — знак ударничества. Наконец весь цех закраснел флажками.

Ударники повели за собой всю остальную молодяцкую массу. Попатнущаяся было работа беловшейного цеха стала на новые рельсы. Один лишь станок не работал в цеху: место Марфы Никулиной пустовало. Все ударники, чувствовавшие себя винтиками сложного фабричного механизма, заметили, что один винтик выскочил из фабричного механизма.

— А от винтика часто рушится весь механизм, — предупредила бригадирша беловшейного цеха. После долгих убеждений товарищей по станку сама Марфа тоже поняла это.

Воясь подорвать авторитет целого коллектива, она убежденно заявила:

— Больше прогвливать я не буду!

В Ленинском районе Крыма, в деревне Марфовке, недавно организовался пионеротряд. Ребята проводили агитвоспитательную работу среди детей, отряд проверил готовность колхоза к весеннему севу, помог ему в практической работе: отсортировал семена. Пионерская бригада ребят-ударников при помощи соцсоревнования собрала 1½ тонны железного лома. Кулаки злились и шинели по углам:

— Вей безбожников! Вей пионеров! Не пропустить пионеров!

Кулаки дошли до открытой борьбы. Ночью были избиты пионеры-активисты Яша Петкус, Ваня Загоренко, Шевриков и Трнчев. 11-летний пионер-активист Яша Петкус был избит желез-

¹ Деталь швейной машины.

ной палкой. Ваню Загоренко избил Семен Пешев, сын сосланного кулака. Кулаки Налогов и Перенко избili активных пионеров Шеврикова и Тричева.

В ответ на выступление врага отряд будет еще лучше работать. Поправившиеся ребята пишут,

что с еще большей силой готовы бороться за колхозы.

А кулаки предстанут перед пролетарским судом.

МИХ. ГЕФТЕР

Симферополь, Крым

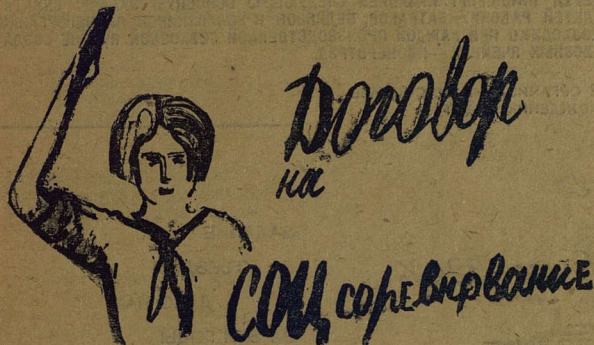

РИС. Г. БЕРЕНДГОФА

ДЕТКОР НИК. ЦИГИПОВ

Чтобы выполнить и сроку задания,
Чтобы путь был по-ленински скор,
Мы о крепнущем **СОРЕВНОВАНИИ**
Подписали сейчас **ДОГОВОР**.

Мало хвастать словами порожними
И читать за докладом доклад,
Мы с ребятами из Запорожья
Двинем дело ударных бригад.

Этот лозунг пусть будет нам **ЗНАМЕНЕМ**,
Нарандаш — **БОЕВОЕ КОПЬЕ**.
Есть средь нас еще Журжини мамины
И другое утильсырье.

Пусть в кулак они шепчут растерянно,
НАШ ЗАДОР, НАК СОЮЗ НАШ, БОГАТ.
Поднимайте, ребята, уверенно
ВАШЕ ДЕЛО УДАРНЫХ БРИГАД!

Дни проходят и стройкою грохают,
За собой увлекают и нас...
Разве может не сжиться с эпохой
Наш безусый энтузиаст?

Мы нивем. Мы растем. Мы работаем.
Мы спешим и не знаем прохлад.
Достиженья встает — уже **ВОТ ОНО**.
Это — **ДЕЛО УДАРНЫХ БРИГАД**.

Сивозь строительный гром перестунов
Нас зовет молодая страна
Заменить навсегда технорунов,
Что пришли из семьи Рамзина.

Зорче глаз! И упорство, ребята!
Недобитый вредитель рогат.
Со старьем мы готовы для схватки,
ВЫШЕ ДЕЛО УДАРНЫХ БРИГАД!

**ШКОЛЫ, ОТРЯДЫ ЮП, ВОЖАТЫЕ
И ПИОНЕРРАБОТНИКИ!**

ГОТОВЬТЕСЬ К КОНКУРСУ

Вербуйте новые сотни тысяч подписчиков и читателей на руководящие журналы ЦК ВЛКСМ, ЦБ ДКО и Наркомпроса **„ПИОНЕР“**, **„ВОЖАТЫЙ“**, **„КОЛХОЗНЫЙ ВОЖАТЫЙ“**

В конкурсе участвуют все школы, пионеротряды и отдельные ребята.

Наждый завербовавший 25 годовых подписчиков на журнал **„ПИОНЕР“** или 10 подписчиков на журнал **„КОЛХОЗНЫЙ ВОЖАТЫЙ“**, или 15 подписчиков журнала **„ВОЖАТЫЙ“** имеет право участия в конкурсе.

УСТАНОВЛЕННЫ ПРЕМИИ: ФОТОАППАРАТ, КОНЬКИ, ЛЫЖИ, СПОРТИНВЕНТАРЬ, РАДИОПРИЕМНИК, МЕЛКОКАЛИБЕРНЫЕ ВИНТОВКИ, БИБЛИОТЕЧКИ И ЕЩЕ МНОГО ДРУГИХ ИНТЕРЕСНЫХ ПРЕДМЕТОВ.

КОНКУРС ПРОВОДИТСЯ С 15 ИЮНЯ ПО 15 ИЮЛЯ

Все ребята должны принять участие в проводимом конкурсе.

Подписку или список с записавшимися ребятами сдавайте ближайшему отделению магазина Книгоцентра, уполномоченному ОГИЗа или на почту и получайте от них справку о том, сколько одано вами подписки, на какую сумму и на какой срок, и присылайте по адресу: г. Москва, Маросейка, 7 Периодсентор Книгоцентра, Отделу распространения или местным отделениям Книгоцентра.

**ПЕРИОДСЕНТОР
КНИГОЦЕНТРА**

